

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТОСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Древнерусский текст

Древнерусский оригинал "Слова" (по изданию 1800 г.) воспроизводится в исправленном виде; все необходимые поправки внесены в текст. Орфография максимально приближена к современной.

Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повестий о полку Игореве, Игоря Святославлича! Начати же ся той песни по былинам сего времени, а не по замыслению Бояню! Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мысию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы. Помняшет бо речь первых времен усобице, - тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей; который дотечаше, та преди песнь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полкы касожьскими, красному Романови Святославличю. Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вещиа персты на живая струны воскладаше; они же сами князем славу рокотаху.

Почнем же, братие, повесть сию от стараго Владимирера до ныняшнего Игоря, иже истягну унь крепостию своею и поостри сердца своего мужеством, наполнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя полкы на землю Половецкую за землю Руськую.

О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа полкы ущекотал, скача, славлю, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чрес поля на горы! Пети было песнь Игореву, того внуку: "Не буря соколы занесе чрес поля широкая, галици стады бежать к Дону великому". Чи ли воспети было, вещей Бояне, Велесовъ внуче: "Комони ржутъ за Сулою, звенить слава в Киеве. Трубы трубятъ в Новеграде, стоять стязи в Путивле".

Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему буй-тур Всеволод: "Один брат, один свет светлый ты, Игорю! Оба есве Святославлича. Седлай, брате, свои борзый комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти куряни - сведоми кмети: под трубами повити, под шеломы възлелеяны, конецъ копия въскормлени; пути имь ведоми, яругы имь знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изострени; сами скачють, акы серыи волци в поле, ишучи себе чти, а князю славе".

Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь к дружине своей: "Братие и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти. А всядем, братие, на свои борзые комони, да позрим синего Дону!" Спала князю унь похоть, и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго. "Хошу бо, - рече, - копие приломити конецъ поля половецкаго с вами, русици! Хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону".

Тогда вступи Игорь князь в злат стремянь и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь, стонуши ему грозою, птичь убуди; свист зверин вьста; збися Див, кличет верху древа - велит послушати земли незнаеме, Волзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмутараканьский болван! А половци неготовами дорогами побегоша к Дону великому; крычат телегы полунощы, рци лебеди распужени.

Игорь к Дону вои ведет. Уже бо беды его пасет птицъ по дубию; волци грозу въерожат по яругам; орли клетком на кости звери зовут; лисици брешут на черленые щиты. О Руская земле, уже за шеломянем еси!

Долго ночь меркнет. Заря свет запала, мгла поля покрыла; щекот славий успе, говор галичь убудиси. Русичи великая поля черлеными щиты прегородиша, ишучи себе чти, а князю славы.

С зарания в пяток потопташа поганые полкы половецкыя и, рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотом и грязивым местом - и всякимн узорочьи половецкыми. Черлен стяг, бела хирюговъ, черлена чолка, сребрено стружие - храброму Святославличю!

Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело! Не было оно обиде порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчине! Гзак бежит серым волком, Кончак ему след править